

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

архим. Михаил

Типы ораторства:
речь в Обществе Любителей Ораторского
искусства

Опубликовано:
Христианское чтение. 1905. № 11. С. 624-634.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

ТИПЫ ОРАТОРСТВА.

(Рѣчь въ Обществѣ Любителей Ораторскаго Искусства).

II *).

МЫ СКАЗАЛИ, что въ области формы должно отдать предпочтеніе «узламъ» и «курсивамъ» Антонія. Считаеьмъ необходимымъ сдѣлать радикальнныя дополненія.

Пророческій типъ проповѣди и манера Антонія взяты нами въ основу нашего трактата, потому что въ нихъ даны два коренныхъ, діаметрально противоположныхъ по своей психологической основѣ типа.

Это однако не значить, что въ нихъ дана вся теорія ораторства. Кромѣ нихъ, есть еще второстепенные подчиненные типы, которые иногда могутъ быть названы скорѣе типами произношенія, чѣмъ построенія (хотя по правдѣ—манера произношенія всегда отражается на построеніи).

Нѣкоторые изъ этихъ второстепенныхъ типовъ имѣють свой интересъ.

На первомъ планѣ нужно поставить типъ «притворной искренности», если позволительно такъ выразиться.

Здѣсь въ Ораторскомъ Обществѣ читали докладъ г. Андреевскаго объ ораторствѣ. Принципомъ его краснорѣчія признали искренность. Онъ—говорили здѣсь—задался мыслью говорить только правду въ своихъ рѣчахъ и побѣждать правдой.

Я позволю себѣ поставить вопросъ, что такое это «искренность» и «правда», въ которой сила Андреевскаго? Есть ли

*) Окончаніе. См. октябрь.

это искусство, или въ самомъ дѣлѣ просто самая обыкновенная правда искренняго человѣка? Утверждали, что Андреевскій былъ тѣмъ, что онъ говорилъ; что его рѣчи именно безискусственная простая человѣческая правда. Я думаю, что это не совсѣмъ такъ. Думаю, что это опять ораторскій и, если угодно, лживый (лживый не въ смыслѣ «ошибочный») искусственный приѣмъ. Онъ говорилъ тономъ правды не потому, что говорилъ правду и говорилъ съ присяжными, какъ съ близкими своими, не потому что дѣйствительно чувствовалъ близость къ нимъ: нѣтъ: онъ самъ заявляетъ, что это былъ приѣмъ, примѣняемый для того, чтобы искусственно внушить вѣру въ себя, въ то, что онъ говорить.

«Говоря предъ судьями, въ особенности въ трудныхъ дѣлахъ, я всегда чувствовалъ, что мнѣ прежде всего нужно было бороться съ какъ бы уже готовымъ недоверіемъ ко всему, что мнѣ придется сказать. Являлась потребность убѣждать судей самымъ тономъ моей рѣчи, что я не фигляръ и не фокусникъ, намѣревающийся незамѣтно отводить имъ глаза, что я собесѣдникъ, желающій попросту помочь имъ въ ихъ задачѣ. Согласятся—хорошо, не согласятся ихъ воля. Поэтому, мои слушатели вскорѣ испытывали полную свободу отъ всякихъ искусственныхъ гипнозовъ, и съ той минуты уже ни одно мое слово не пропало даромъ».

«И я всѣми своими нервами всегда старался до конца удержать за собою ихъ довѣріе. Мнѣ постоянно приходилось слѣдить за собою и даже самые, можно сказать, раздрающіе душу доводы я передавалъ, по возможности, просто, дабы въ этихъ опаснѣйшихъ и важнѣйшихъ моментахъ защиты не нарушить ни единымъ неосторожнымъ звукомъ образовавшейся связи между судомъ и мною. Судъ всегда прекрасно понималъ и цѣнилъ мое заглушенное волненіе, а о публикѣ я рѣшительно никогда не думалъ».

Явно, что это искусственное краснорѣчіе. Если онъ въ моментъ подъема, въ моментъ, когда ему хотѣлось кричать, нарочно понижалъ голосъ, нарочно говорилъ тономъ человѣка, бесѣдующаго за чайнымъ столомъ, то ясно, что *въ данномъ случаѣ онъ малъ, съ обыкновенной точки зрѣнія*. Это было ораторскимъ притворствомъ.

Но если такъ, то, очевидно, что методъ Андреевскаго можетъ быть изучаемъ, какъ новый проповѣдничскій методъ. И это вовсе не простой, а сложный и серьезный методъ.

Сначала ораторъ тономъ рѣчи старается загипнотизировать публику въ извѣстномъ направленіи. Онъ хочетъ, чтобы слушатели отнеслись къ нему, какъ къ близкому человѣку, чтобы они повѣрили въ него и слушали, какъ родного человѣка, который говорить безъ всякихъ цѣлей такъ, какъ говорятъ товарищи за дружеской бесѣдой.

А послѣ того, какъ довѣріе завоевано, ораторъ говоритъ то, что онъ хочетъ, ложь или правду на приготовленной имъ почвѣ. Очень понятна разумность метода—и понятно, что онъ имѣеть большой *raison d'être* въ ораторствѣ.

Но здѣсь старый вопросъ: насколько легко изучаемъ этотъ методъ и допустимо ли по соображеніямъ ораторскаго успѣха явное и очевидное притворство?

Нечего говорить, что ложь немыслима и недопустима съ церковнаго амвона. И тѣмъ не менѣе слѣдуетъ очень внимательно остановиться на методѣ г. Андреевскаго. Дѣло въ томъ, что для многихъ священниковъ наиболѣе легкой формой проповѣди была бы эта: простая и задушевная бесѣда безъ всякой мысли о формахъ, о фразѣ, о приспособленіи рѣчи ко дню, къ событію и т. д. и многіе считаютъ почему-то эту форму рѣчи не вполнѣ дозволительной. Очень напрасно.

Мы говорили въ «Церковномъ Вѣстникѣ», что наиболѣе дѣйствительная форма проповѣди — бесѣда проповѣдника о себѣ, рассказы о своихъ духовныхъ бореніяхъ, паденіяхъ и побѣдахъ. Я вполнѣ присоединяюсь къ мысли С. Н. А. въ «Тамб. Епар. Вѣд.» № 2 1904 г. По его словамъ, проповѣдь есть исповѣдь. Священникъ выходитъ на кафедру поучать не кого-нибудь, но себя самого.

Если священникъ съ чувствомъ самоукоренія будетъ съ кафедры вслухъ думать — о пережитой имъ и потерянной черезъ грѣхъ близости къ Богу, о радости этой близости и горечи потери, «то незримо въ душѣ слушателя черезъ его слово обострится голосъ совѣсти и не слуху только его будетъ говорить проповѣдь, но чувству; научая свое сердце, священникъ будетъ обновлять и возрождать его душу».

Эта мысль—безусловно—глубока и вѣрна¹⁾. Можетъ быть не только «лучшая, но и единственная форма проповѣди задум-

¹⁾ Но немного выше мы сказали, что проповѣдникъ не долженъ говорить о себѣ и для себя; онъ долженъ демонстрировать души слушателей. Нѣтъ ли тутъ противорѣчія. Конечно, нѣтъ. Проповѣдникъ показы-

чивая бесѣда пастыря, гдѣ у священника даже нѣтъ еще готовыхъ отвѣтовъ, а только вопросы, на которыхъ онъ теперь въ бесѣдѣ просить вмѣстѣ съ слушателями отвѣта у Бога и т. д. Но очевидно, что такая проповѣдь будетъ примѣненіемъ принципа Андреевскаго и потому мы желаемъ усиленнаго вниманія къ этому «проповѣдническому приему».

И мы знаемъ, что попытка пользоваться формами такой бесѣды имѣеть успѣхъ въ проповѣди.

Въ этомъ родѣ лучшія изъ бесѣдъ о. Григорія Петрова. На этомъ началѣ построена его манера говорить почти безъ подъема голоса, спокойно, иногда задумчиво.

И не можетъ быть рѣчи о неудобности такой формы ораторства: простота и безыскусственность рѣчи самая приличная и достойная священника и амвона форма.

Очень близко къ типу Андреевскаго подходит манера «голага силлогизма». Ораторъ нарочно обнажаетъ свою рѣчь, выражая ее искусно оборудованной формулой, въ формѣ напр. строго опредѣленныхъ точныхъ силлогизмовъ. Этотъ способъ тоже далеко не всегда есть естественный способъ, простая передача хода мыслей оратора, того пути, по которому шелъ онъ самъ. Нѣтъ это тоже искусственный и сложный методъ. Человѣкъ какъ бы хочетъ сказать слушателямъ: вотъ, дескать, смотрите, я весь передъ вами. Я не хочу ораторствовать. Моя мысль выраженная въ простыхъ формахъ «нагая мысль», вся передъ вами. Расчетъ здѣсь тотъ, что мысль, выраженная въ силлогизмахъ, будетъ оцѣниваться съ *предвзятымъ доверіемъ*; въ посылки силлогизма и не будутъ всматриваться, потому что обнаженность мысли загнипнотизировала, «подкупила». Этотъ приемъ очень силенъ, напр., въ рукахъ противника Антопія—Брута.

Въ рѣчахъ такого рода два элемента—простота логическаго построенія, и импонирующая, вызывающая доврѣе *грубость формы*. Успѣхъ создается именно послѣднимъ: «грубостью».

Въ области духовнаго ораторства мы имѣемъ яркій образецъ такой импонирующе-грубой проповѣди. Разумѣемъ по-

ваеть слушателямъ „ихъ души“, а ключъ къ чтенію таинственнаго шифра, таинственной книги,—именуемой человѣческой совѣстью даетъ ему знаніе собственной души, такъ что демонстрація чужой души есть всегда и справка въ собственной совѣсти.

сланія и рѣчи протопопа Аввакума. Но само собою не можетъ быть и рѣчи о построеніи проповѣди на этомъ началѣ.

Совсѣмъ обособленно стоитъ своеобразный типъ ораторства, который удобнѣе всего назвать беллетристическимъ. Андреевскій въ своемъ докладѣ о судебномъ краснорѣчии указываетъ такой беллетристическій методъ, какъ остроумный способъ «ораторскаго воздѣйствія».

Онъ останавливаетъ свое вниманіе на разсказахъ Чехова. Разсказы Антона Чехова, говоритъ онъ, лучшія изъ защитительныхъ рѣчей. Возьмите его «Злоумышленника» или «Бѣду». Герой разсказа «Злоумышленникъ» крестьянинъ Григорьевъ отвинчивалъ гайки, которыми рельсы прикрѣпляются къ шпаламъ, иными словами умышленно повреждалъ желѣзнодорожный путь съ явною опасностью для пассажировъ, т. е. совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 1081 ст. уложенія. Въ другомъ разсказѣ «Бѣда» купецъ Авдѣевъ, членъ ревизіонной комиссіи одного крахнувшаго банка, подписывалъ подложные отчеты, т. е. судился за преступленіе, предусмотрѣнное 1154 ст. уложенія. Чеховъ не юристъ. Но кто же, и даже самый лучшій изъ насъ—по тѣмъ двумъ обвиненіямъ, которыя я называю, когда бы то ни было произнесъ въ судѣ что-нибудь, до такой степени обезоруживающее всякую возможность преслѣдованія этихъ двухъ преступниковъ (Григорьева и Авдѣева), какъ то, что написалъ Чеховъ въ этихъ двухъ коротенькихъ разсказахъ.

А въ чемъ же тайна? Только въ томъ, что Чеховъ правдиво и художественно нарисовалъ передъ читателемъ бытовыя условія и внутреннюю жизнь этихъ двухъ, выражаясь по нашему «своихъ кліентовъ».

И Андреевскій рекомендуетъ ввести беллетристическій анализъ въ составъ рѣчей.

Совѣтъ—какой нельзя игнорировать.

У насъ даже были попытки такихъ «беллетристическихъ» рѣчей—и они имѣли заслуженный успѣхъ. Принципъ такой беллетристической рѣчи въ судебномъ краснорѣчии состоитъ въ слѣдующемъ: ораторъ ставитъ рядомъ съ дѣйствительною картиною преступленія картину беллетристическую, старается охарактеризовать, пользуясь данными судебного слѣдствія, дѣйствующихъ лицъ чисто беллетристически, рисуя ихъ «возможный» образъ. Образъ этотъ можетъ быть не вполне вѣрнымъ, можетъ быть и вовсе невѣрнымъ; всю защиту ораторъ строитъ на томъ, чтобы этимъ художественнымъ образомъ, характе-

ристикой психологіи преступника, до такой степени захватить и загипнотизировать публику, чтобы она не слишком всматривалась въ дѣйствительныя фактическія обстоятельства дѣла (если она не въ пользу подсудимаго конечно). Иначе говоря. художественнымъ «образомъ» онъ хочетъ уничтожить «факты». такъ какъ беллетристика, созданная художественнымъ творчествомъ, конечно сильнѣе и ярче фактовъ, можетъ совсѣмъ отодвинуть фактъ въ сторону и поставить на его мѣсто «ложную возможность».

На этомъ построена, напр., рѣчь Тесленко, защищавшаго двухъ дѣвушекъ, покушавшихся на убійство хозяйки по мотивамъ Раскольникова.

Здѣсь все было построено, чтобы нарисовать только «возможную» психологію дѣйствующихъ лицъ и этою возможною картиною ихъ психологіи уничтожить фактическую сторону дѣла и выяснитъ неопасный для подсудимыхъ, т. е. необвиняющій характеръ инкриминируемыхъ фактовъ.

Въ духовномъ краснорѣчии беллетристическій методъ можетъ имѣть большое и серьезное приложеніе: конечно здѣсь образъ будетъ—не отодвигать и загораживать правду, а только ее выяснять.

Его освятилъ самъ Господь своимъ примѣромъ.

Нѣтъ въ исторіи краснорѣчивѣе другой рѣчи, какъ 25-я глава Матѳея.

«Когда же придетъ Сынъ Человѣческій во славу Своей и всѣ святые Ангелы съ Нимъ, тогда сядетъ на престолѣ славы Своей, и соберутся предъ Нимъ всѣ народы; и отдѣлитъ однихъ отъ другихъ, какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ; и поставитъ овецъ по правую Свою сторону, а козловъ— по лѣвую. Тогда скажетъ Царь тѣмъ, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вамъ отъ созданія міра: ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня».

Что же такое эта глава, какъ не властный проповѣдническій образъ, художественная картина, созданная въ цѣляхъ большаго воздѣйствія на мысль и волю черезъ воображеніе.

Робкіе примѣры такого же построения рѣчи есть конечно и въ русскомъ и византійскомъ церковномъ краснорѣчии.

Извѣстна проповѣдь св. Василія Великаго—на тему о томъ, какъ въ моментъ Великаго суда «раскрываются книги совѣсти:

каждая мысль, каждое желаніе, каждое прошлое дѣло получаетъ обликъ, плоть и кровь—и мучить душу, какъ видѣніе»¹⁾.

Это конечно—беллетристическій пріемъ.

Я знаю проповѣдь на тему той же 25-й главы, построенной на беллетристическомъ описанія возможныхъ подробностей страшнаго дня...

Или вотъ кусочекъ изъ одной бесѣды священника Кузнецова, которой я воспользовался въ своей книжкѣ «Въ праведную землю».

(Кстати. Вторая половина бесѣды заимствована изъ прекрасной проповѣди о. архимандрита Сергія).

...«Я вышелъ изъ храма послѣ чтенія страстей Господнихъ. Въ рукахъ у меня была свѣча, которую я безсознательно захватилъ съ собой; она давно потухла. Я даже и забылъ о ней. Ночь была темная. Но на улицѣ было свѣтло: на встрѣчу мнѣ шли богомольцы, десятки, сотни богомольцевъ изъ другой церкви. Тамъ тоже кончилась утренняя, и вся эта толпа шла съ зажженными свѣчами. *У меня только огонекъ не горѣлъ.* Случалось, что у одного изъ богомольцевъ свѣча гасла;—тотчасъ другой предлагалъ свой огонекъ и снова свѣча загоралась и богомолецъ, бережно защищая огонекъ рукою, шелъ дальше. *Только моя свѣчка не горѣла.* Въ это время ко мнѣ подошелъ одинъ изъ встрѣтившихся мнѣ богомольцевъ съ горящей свѣчей и предложилъ зажечь мою свѣчку. «Нехорошо—говорить—такъ; что же у тебя не горитъ? И, смотри—обязательно на дверяхъ крестъ выжги, а то не хорошо—Богъ накажетъ». *И разгорѣлась моя свѣча.* Въ то же время и на душѣ какъ-то посвѣтлѣло и внутри точно какой-то огонекъ затеплился, а въ то же время стало и грустно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ услужливо одинъ богомолецъ зажигаетъ потухшую свѣчу у другого богомольца. Совершенно невысказано, чтобы одинъ отказалъ другому въ этой святой услугѣ. А вмѣстѣ съ тѣмъ—я помню, что въ моей душѣ когда-то горѣлъ огонекъ, ярко горѣлъ; было время, когда вѣтры житейскіе не могли потушить его. Но вотъ мало-по-малу уменьшался и гасъ этотъ огонекъ и не нашлось ни одного изъ проходящихъ мимо, который бы поддержалъ огонекъ моей свѣчки своимъ огонькомъ. Наоборотъ, многіе усиленно старались загасить его, затоптать ногами. И онъ погасъ. Почему это и зачѣмъ?

¹⁾ Пересказъ.

Не такъ, совсѣмъ не такъ было когда-то прежде въ той далекой отъ насъ старой христіанской церкви, праведной землѣ іерусалимской.

«Катакомбы... Почти полное отсутствіе свѣта солнечнаго... совершается богослуженіе. Слушаютъ чтеніе апостольскаго посланія. Написалъ нѣчто глубоко-назидательное великій апостоль обрѣзанія Петръ. Строка за строкой перечитывается его свитокъ... И апостоль заочно покоряетъ себѣ непокорныя доселѣ сердца. И на многія думы наводитъ онъ все христіанское общество.

«Приступая къ Нему (Христу), камню живому... и сами какъ живые камни, устройте изъ себя домъ духовный» (1 Петр. II, 4—5), наставляетъ апостоль. Чувствуютъ всѣ, чего требуетъ отъ нихъ учитель и доселѣ всѣмъ не доставало.

Узнаютъ въ этихъ словахъ всѣ знакомое уже наставленіе ап. Павла: «увѣщевайте другъ друга и назидайте одинъ другаго» (1 Фесс. V, II). Слушаютъ и жизнь устрояютъ по этимъ наставленіямъ апостола. Посмотрите, съ какою ревностью каждый здѣсь работаетъ и надъ собой для того, чтобы ему, какъ живому камню, скорѣе слиться въ великомъ домѣ—церкви со Христомъ—Живымъ Камнемъ краеугольнымъ и т. д.

Это опять беллетристика и вопросъ можетъ быть о талантливости и безталанности бесѣды, а не достоинствахъ метода.

Методъ удобенъ и церковенъ.

У нѣмцевъ уже давно примѣнимы къ проповѣди почти всѣ формы поэзіи. Возможна проповѣдь элегія, проповѣдь воспоминаніе и пр. и пр. Еще возможнѣе проповѣдь молитвы.

Съ нашей точки зрѣнія эти бесѣды иногда странны и неудобны.

Вотъ, напр., одинъ образчикъ нѣмецкой проповѣди.

Комната просторная и старая.—Самая обширная на этой древней фермѣ, въ которую привела меня мѣстная тропинка Чернаго лѣса. Внѣ падаетъ снѣгъ медленно и спокойно. Кажется, что эти миріады висящихъ въ тихомъ воздухѣ снѣжныхъ хлопьевъ каждый знаетъ, куда идетъ, гдѣ себѣ выберетъ мѣсто лечь.

Внутри безусловная тишина. Мнѣ слышны какъ дыханіе спящей подъ печкой большой собаки, такъ и звукъ часовыхъ колесъ. Получается впечатлѣніе, будто время остановилось и что никогда ничего не происходило... Я опускаюсь въ углубленіе уединенія и забвенія, какъ въ прозрачную и бездонную воду.

Въ домѣ нѣтъ никого. Одна старушка осталась въ квартирѣ, но и она ушла по хозяйству и мнѣ хочется, чтобы старушка не приходила долго-долго... всегда...

Къ моему несчастію, взоръ мой падаетъ на два большія изображенія, прикрѣпленныя къ передней стѣнѣ. Это два кирасира, висящіе по обѣимъ сторонамъ маленькаго зеркала. Они сидятъ верхомъ, на горячихъ вороныхъ коняхъ, бѣгущихъ крупною рысью. У обоихъ обнажены сабли и готовы рубиться между собою.

И сначала я посмотрѣлъ на своихъ кирасировъ издали, потомъ близко. Издали они казались вульгарной картинкой въ десять пѣниговъ, точное воспроизведеніе одинъ другого. Дѣйствительно, съ обѣихъ сторонъ были одна и та же лошадь, съ такой же гривой, съ такимъ же хвостомъ. Ростъ и жесты всадниковъ казались одинаковыми. Но вблизи можно было различить, что они имѣли претензію быть чьими-то портретами. Разсмотрѣвъ внимательно всадника съ правой стороны, красиваго блондина съ головой шваба, очень характерической, я вполне увѣрился въ этомъ. Но, желая разглядѣть лицо всадника съ лѣвой стороны, я замѣтилъ, что у него лица совсѣмъ не было. Мѣсто осталось пустымъ. Человѣкъ сидѣлъ верхомъ на лошади твердо, съ угрожающимъ видомъ солдата въ бою, имѣлъ величавость, осанку, все, кромѣ лица. Мнѣ это дѣйствительно показалось страннымъ и я рѣшилъ спросить объ этомъ. Скоро завязался разговоръ и я спросилъ старушку, кто эти два всадника, изъ которыхъ у одного недоставало лица.

Это два брата, но у одного лицо отклеилось.

Наши молодые солдаты кавалеристы любятъ такіе портреты. Гордясь своимъ положеніемъ, они чувствуютъ отвращеніе сниматься стоя, какъ простые пѣхотинцы. Сниматься же каждому на лошади стоитъ дорого. Они берутъ простую фотографію, вырѣзываютъ свой профиль и паклеиваютъ на готовую картинку. Это придаетъ имъ добрый видъ; но ихъ едва можно отличить между собою и часто, какъ видите, клей не держитъ... Я покинулъ уединенный домъ, въ которомъ провелъ чудный часъ. По бѣлымъ спутаннымъ тропинкамъ, подъ задумчивыми, покрытыми снѣгомъ елями, вдоль скалъ, которыхъ зима инеемъ и льдами разрисовала своей фантазіей, я уходилъ и думалъ. Какъ много теперь этихъ людей «безъ лицъ» которые живутъ чужими мыслями, чужой волей, чужой душой. Они иногда имѣютъ даже «добрый видъ» но... это все чужое, купленное,

живое. Какъ непріятны эти люди въ очахъ Божіихъ когда Онъ, Господь, хочетъ прежде всего, чтобы человекъ умножилъ свою душу, а не жилъ заемной душой. Люди «безъ лица», безъ души, безъ своей души: это конечно тѣ, которыхъ хочетъ Господь «изблевать изъ устъ своихъ» въ грозномъ смыслѣ откровенія».

Какъ много въ этой бесѣдѣ неудобнаго съ нашей точки зрѣнія. Самое слово «кирасиры» уже мало годится для нашего амвона: нужно щадить ухо и его привычки. Однако, не нужно забывать, что иное дѣло принципъ, иное дѣло частности. Охраненіе достоинства проповѣдническаго слова есть особый вопросъ, вовсе не тѣсно связанный съ вопросомъ объ архитектурѣ проповѣднической рѣчи... Здѣсь вопросъ пока только въ томъ, возможна ли такая рѣчь, которая очевидно можетъ быть одинаково произнесена и въ залѣ, можетъ быть помѣщена какъ публицистическая статья въ любомъ журналѣ?

Мы полагаемъ, что да, возможна. Рады вызвать оппонентовъ.

Или еще возьмите бесѣду о веснѣ, переведенную нами изъ того же Функе:

«Ледъ тронулся. Жаворонки запѣли... Весна... Подуло легкимъ ласкающимъ весеннимъ вѣтеркомъ. Крупныя капли падаютъ съ крышъ, это прощальныя слезы побѣжденной зимы. Земля скинула свой бѣлый саванъ (символь смерти) и покрылась молодой зеленью: природа начала жить... Только у меня на душѣ «не тронулся ледъ»... Пусто и холодно. Хочется слезами растопить ледъ на сердцѣ, но слезъ нѣтъ... Мертвая душа не пробуждается.

Господи. Пошли Духа Твоего въ гласъ вѣтра хладна, скорѣй пошли согрѣвающій лучъ благодати Твоей, зажги искру святого огня въ заходившей душѣ. Владыка, заставь меня плакать.

Вчера и третьяго дня небо было сѣро и сумрачно: ни одного солнечнаго луча; темно и холодно; сегодня первый день весны, и ярко свѣтитъ солнце. Только у меня на душѣ темно: душа покрылась «пылью», холодное безразличіе ко всему свѣтлому и святому сѣрой пеленой окутало душу. Я не холоденъ и не горячъ: мертвъ, и боюсь, что Ты, какъ сказалъ, «извергнешь меня изъ устъ Своихъ».

Господи, Владыка весны, пробуждающій отъ сна всю природу, рѣки и моря, и лѣса, воскрешающій умершую подъ снѣгомъ голубую фіалку. Пошли мнѣ лучъ Свой, согрѣй, брось въ

мое сердце искру огня Твоего, заставь снова звучать хвалебной пѣсню въ честь Тебя струны больного сердца, заставь меня плакать».

Здѣсь нѣтъ ничего смущающаго ухо? Если эта форма дѣйствительна, отчего же ее не примѣнять? А она несомнѣнно дѣйствительна. Я не говорю о данномъ образцѣ. Образцы могутъ быть сильнѣе.

У насъ есть образцы грандіозные, огромные: вспомните о стихотвореніяхъ Григорія Богослова. Извѣстно, что многіе части его бесѣдъ были въ сущности стихотвореніями. Вспомните начало бесѣды на пасху. «Вотъ день воскресенія, начало блаженное, просвѣтимся торжествомъ». Это очевидно «гимнъ» стихотвореніе.

А слово св. Григорія на Рождество: «Христось рождается». Но если проповѣди его наполовину стихотворенія—почему его стихотвореніямъ не быть проповѣдями? Отчего не считать проповѣдь напр. элегію «о путяхъ жизни».

Все слово Златоуста на пасху—развѣ не стихотвореніе?

Пусть не думаетъ читатель, что я хочу умножить безъ конца формы ораторства. Но возможно, что для извѣстнаго лица—наиболѣе доступенъ послѣдній типъ рѣчи. Говорить *иначе*, напр. въ наличныхъ псевдоклассическихъ формахъ это значить для него похоронить талантъ, говорить блѣдно и слабо.

Не должны ли быть для такихъ ораторовъ открыты «новые пути». Я пока только ставлю вопросъ и лично на него отвѣчаю: «всякое христіанское и приличное слово прилично съ амвона». Правда здѣсь опасность, что при умноженіи формъ, кромѣ мертвой и скучной и потому убивающей проповѣдь, родится еще проповѣдь «смѣшная», претенціозно нелѣпая, вродѣ «пресловутыхъ писемъ» идеалиста, но... ничего не нужно бояться и обо всемъ нужно подумать, подумать, подумать...

Подумать общими силами, поспорить—нельзя «погашать духа».

Архим. Михаилъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки